

Ю. А. Зуев

КИРГИЗЫ-БУРУТЫ

(К ВОПРОСУ О ТОТЕМИЗМЕ
И ПРИНЦИПАХ ЭТНОНИМООБРАЗОВАНИЯ)

В первом номере журнала «Советская этнография» за 1963 г. была помещена в порядке обсуждения статья А. Абдыкалыкова «О термине буруты». Напомню ее содержание. В русских, монгольских и китайских документах бурутами называются племена, обитавшие на Тянь-Шане в XVIII в. По сложившейся традиции, представленной трудами значительной группы исследователей, буруты упомянутых источников соответствуют тянь-шаньским киргизам. Однако главным затруднением в пользу такого сопоставления является отсутствие термина «бурут» в современной киргизской этнонимике. Опираясь на это обстоятельство, автор статьи делает вывод о калмыцком происхождении термина «бурут» («изменники», «иноверцы») и считает, что слово «бурут» было «кличкой, презрительным прозвищем, данным киргизам калмыцкими правителями» (стр. 127). В то же время он категорически отрицает какую бы то ни было связь тянь-шаньских киргизов с бурутами, обитателями Саяно-Алтая (стр. 126).

Вопрос о соотношении этнонимов *киргиз* и *бурут*, поднятый в статье А. Абдыкалыкова, заслуживает пристального внимания; но его решение, при более тщательном рассмотрении исторического и этнографического материала, предстает, на мой взгляд, в ином виде.

С III в. до н. э. начинают появляться сообщения о племени *киргиз*, жившем в обско-енисейском бассейне. Этноним *киргиз* сохраняется здесь до XIX в. Однако в домонгольское время¹, в XIII² или XVII³ вв. сообщения о народе *киргиз* поступают и с территории современной Киргизии. Время и причины частичного перемещения киргизов с Саяно-Алтая на Тянь-Шань, а также проблема сложения обеих общностей в самостоятельные народности неоднократно были предметом специального рассмотрения; касаться их мы не будем. Важно, что по отношению к обеим этническим группировкам, носящим одно и то же имя, но различным по своему этническому состоянию, в позднее средневековье стал применяться термин *бурут*. Последнее настолько хорошо известно в науке, что А. Абдыкалыков, отказывая в фактическом тождестве киргизов и бурутов, должен признать его существование историческим парадоксом, таким же, как ошибочное использование русскими термина *киргиз* (или *киргиз-казак*) по отношению к казахам до начала XX в.

¹ А. Н. Бернштам, О появлении киргизов на Тянь-Шане в IX—X вв., «Сов. востоковедение», 1956, № 4.

² К. И. Петров, К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII—XV вв., Фрунзе, 1961.

³ Н. Н. Howorth, History of the Mongols, London, 1876, pt. 1, p. 696; cp. S. M. Abramson, Die Stammesgliederung der Kirgizen und die Frage nach ihrer Herkunft, «Acta Orientalia Hungaricae», t. XIV, 1962, fasc. 2, p. 197—206.

Противоречивость источников, важность и неясность вопроса и послужили поводом к написанию данной статьи с целью дальнейшего обсуждения темы.

* * *

Принципы этнонимообразования у древних народов Азии лишь в самой незначительной мере были предметом исследования этнографов и востоковедов. Опыт их разбора на монгольском материале был предпринят В. Котвичем⁴, анализ и классификация современной киргизской этнонимии произведены С. М. Абрамзоном⁵. Вопросы этнонимии освещаются и в исследовании В. Н. Чернецова, посвященном истории родового строя у обских угров⁶. Наконец, попытка охарактеризовать основные отправные точки образования этнических обозначений у древних монголов содержится в работе П. Будберга⁷. По его мнению, в преобладающем большинстве случаев этнонимы восходят к понятиям, которые он классифицирует следующим образом:

- 1) названия птиц, животных, орудий производства и «других объектов кочевого быта»;
- 2) термины «родственного состояния»;
- 3) официальные титулы, определяющие положение предводителя племени при ханском дворе;
- 4) географическое положение или местонахождение племени по отношению к общему единству;
- 5) цвет коней племени;
- 6) число племен, входящих в конфедерацию, которое впоследствии становится этнонимом;
- 7) наконец, смешанность, ассоциативность гетерогенных элементов в составе племенного объединения.

Не дискутируя по существу изложенных тезисов, мы, тем не менее, должны отметить несколько упущений. Указание первого тезиса на происхождение этнонима от названий птиц, животных и «других объектов кочевого быта» не содержит и намека на то, что в ряде случаев этноним-самоназвание отражает, по-видимому, обозначение тотемного (иногда основного хозяйственного) животного, как это было, например, у родов сенека-ирокезов⁸.

Все исследователи считают, что наиболее древними из всех сохранившихся видов родовых имен являются самоназвания по имени животного-предка, тем более, если этот предок рисуется в образе существа женского пола. Главная идея тотемизма, идея группового родства людей с тотемом и на этой основе родства людей между собой внутри групп исторически порождали необходимость не только носить «фамилию» тотемного животного, но и считать себя его наследниками и носителями его плоти. «Детеныш льва — тоже лев» — эта сентенция из огузского эпоса «Китаб-и Дедем Коркут» прозвучала бы без всякого имажинистского оттенка в устах представителя рода Льва, скажем, две тысячи лет назад. Надо оговориться, что зооморфные имена или этнонимы не обязательно и не всегда связаны с тотемизмом, они могут появиться и по традиции, и по мотивам иного порядка. Но их древнейший

⁴ W. Kotwicz, Contribution à l'histoire de l'Asie Centrale, «Rocznik Orientalistyczny», t. 15, Krakow, 1949.

⁵ С. М. Абрамзон, К семантике киргизских этнонимов, «Сов. этнография», 1949, № 3.

⁶ В. Н. Чернецов, К истории родового строя у обских угров, сб. «Сов. этнография», вып. VI—VII, 1947.

⁷ P. Boodberg, Two notes on the history of the Chinese frontier, «Harvard Journal of Asiatic Studies», 1936, vol. 1, № 3—4, p. 30.

⁸ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1949, стр. 87.

пласт коренится в тотемизме, и тотемический субстрат, несомненно, играл решающую роль в древнем этнонимообразовании.

Тотемизм в его изначальной форме существовал в тот период истории Азии, когда письменные известия о далеких народах только начинали появляться. В этих источниках засвидетельствованы факты, когда представители того или иного племени считали себя рожденными от животного-первопредка.

В представлениях древних насельников Азии очень устойчив мотив оленя-прародителя. Он присутствует в эпических сюжетах и преданиях сунну-гуннов⁹, тюрков¹⁰, уйгуров¹¹, канглы¹², половцев¹³, монголов¹⁴, осетин¹⁵ и других народов. Его предполагаемый антипод — культ волка у тех же народов¹⁶. Следы тотемизма нетрудно увидеть в распространении культа змеи (авары, каи и др.)¹⁷, собаки (тибетцы, обитатели северных отрогов Алтая)¹⁸ и иных животных. Вероятно, пережитки тотемизма следует усматривать и в этнонимах, обозначающих животных: бугу (кит. пугу)¹⁹ — бык-марал, айгыр (кит. сицзе)²⁰ — жеребец, сыгыр (кит. сыцзе)²¹ — корова, итлык (или итлар, кучук, ит-барак)²² — собака, огуз — бык. Правда, на основании одних названий трудно делать заключение о тотеме, но в отдельных случаях они не только совпадают, но их тождество подкрепляется и собственными представлениями этнонимоносителей²³.

Считая несомненным наличие тотемизма в древнейшую эпоху, мы вслед за этим обязаны признать и наличие его неизбежного атрибута —

⁹ «Тайпин гуан цзи», Пекин, 1959, гл. 442, стр. 3609; А. Н. Бернштам, Очерк истории гуннов, Л., 1951, стр. 224—235; U. Nagva, Die religiösen Vorstellungen der altaischen Völker, Parvoo — Helsinki, 1938, S. 471—472.

¹⁰ «Тайпин гуан цзи», гл. 480, стр. 3957; Цэнь Чжун-мянь, Туцзюе цзиши (Сводная история тюрков), Пекин — Шанхай, 1958, стр. 641—642.

¹¹ Согласно преданиям, родоначальник уйгуров носит имя Буку, т. е. «бык-марал» см. «Юань вэнь лэй», Шанхай, 1958, гл. 26, стр. 325; гл. 70, стр. 1015; «Чжо гэн лу», гл. 26.

¹² «Цзинь ши», гл. 121, стр. 1100 (здесь и далее все летописи цитируются по переизданию 1958 г. в серии «Бо-на-бенъ») — имя князя-предка канглы.

¹³ Имеем в виду наличие символических наклеек на половецких луках (другой, более конкретный материал требует разъяснения, поэтому мы его опускаем): С. А. Пленнев а, Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях, Материалы и исследования по археологии СССР, 1962, стр. 176, 181, рис. 17.

¹⁴ С. А. Козин, Сокровенное сказание, I, М.—Л., 1941, стр. 79; P. Pelliot, Histoire Secrète des Mongols, Paris, 1949, p. 121.

¹⁵ В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, I, М.—Л., 1949, стр. 70.

¹⁶ Л. П. Потапов, Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков, КСИЭ, т. XXX, 1958; там же см. основную литературу вопроса; U. Nagva, Указ. раб., стр. 488, сл.; J. Marquart, Über das Volkstum der Komanen, «Abhandl. der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen», Bd. XIII, 1914, S. 30—32, 35.

¹⁷ А. Кастанье, Культ змей у различных народов и следы его в Туркестане, «Протоколы заседаний и сообщений членов Турк. кружка любителей археологии. Год XVIII», Ташкент, 1913; H. W. Haussig, Theophilakt's Exkurs über die Skythischen Völker, «Byzantion», Bd. XXII, 1953, S. 208—213; G. Uchida, A study on the Jou-jan tribe, «Asiatic Studies», in honour of Toru Haneda, Kyoto, 1950, p. 149; B. Ogel, Ein Tor nach China, «Central Asiatic Journal», vol. IV, 1961, No 3, S. 175.

¹⁸ См. «Тушу цзичэн», разд. «Бянь-и-дянь», § 129; В. П. Васильев, История древности восточной части Средней Азии, «Записки Имп. Археологического общества», т. XIII, 1859, стр. 40; Ч. Ч. Валиханов, Избр. произв., Алма-Ата, 1958, стр. 322; «Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука», М., 1957, стр. 42.

¹⁹ Реконструкцию см.: Ю. Зуев, Тамги лошадей из вассальных княжеств, сб. «Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана», Алма-Ата, 1960, стр. 108.

²⁰ Там же, стр. 116.

²¹ Там же, стр. 114—115.

²² См., например, С. Brockelmann, Mitteltürkischer Wortschatz nach Mahmud al-Kašgharis Divan luğat at-Türk, Budapest — Leipzig, 1928, S. 244.

²³ Показательный материал собран В. Н. Чернецовым (Указ. раб., стр. 162).

табу на жизнь и имя животного, считающегося тотемом²⁴. В более позднее время, когда тотем обрел антропоморфные черты, табуация по-прежнему оставалась в силе, искусственно поддерживаемая представителями аристократических родов и племен в целях сохранения гегемонии²⁵. Материал, подтверждающий это положение, имеется в изобилии. Из соображений экономии места ограничусь лишь характерным высказыванием Рашид ад-Дина: «И обычай такой существует,— говорит он,— что все то, что будет онгоном (здесь тотемом.— Ю.З.) какого-нибудь племени,— они на него не нападают, ему не сопротивляются и мясо его не едят, так как они присвоили его себе для приятного предзнаменования. До нашего времени смысл сего остается в силе, и каждое из тех племен знает своего онгона»²⁶.

Табуирование имени тотема, совпадающего с названием господствующего «божественного» рода, равно как запрет на имя родоначальника и наиболее знатных предков, означало, в свою очередь, необходимость эвфемирования оригинального слова, ставшего сакральным. Насколько можно судить по материалу древнетюркской эпохи, оно шло двояким образом: путем видоизменения существующего имени или его прямой замены из лексики иноязычных соседей, т. е. лексического заимствования²⁷.

Нередки случаи, когда самоназванием становится иноязычное слово, как говорит об этом Иордан: «Все знают и обращали внимание насколько в обычае у племен перенимать по большей части имена: у римлян — македонские, у греков — римские, у сарматов — германские. Готы же преимущественно заимствуют имена гуннские»²⁸. Так же считается, например, в отношении терминов «рос» («рус») ²⁹ и «ант» ³⁰.

²⁴ Литература о табу, в том числе о словесных запретах, значительна: Д. К. Зеленин, Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии, I—II, «Сб. Музея антропологии и этнографии», VIII—IX, 1929—1930; Дж. Фрэзер, Золотая ветвь, вып. 2 — «Табу — запреты», Л., 1928; С. И. Вайнштейн, Тувицы — толжинцы, М., 1961, стр. 172 сл.; S. Freud, Totem und Tabu, Leipzig — Wien — Zürich, 1922, S. 43; M. Mollova, Contribution aux études des Tabous linguistiques «Rocznik Orientalistyczny», t. XXIV, 1960, No 1, p. 27—41.

²⁵ Ср. Б. И. Шаревская, Старые и новые религии Тропической и Южной Африки, М., 1964, стр. 204—205.

²⁶ Рашид ад-Дин, Сборник летописей, т. I, кн. I, М.—Л., 1952, стр. 87.

²⁷ Яркий пример этому — разночтения в имени основателя тюркской династии на Орхоне. Китайские хронисты называют его Тумынь (среднекит. звучание *t'ou-miəp* < **tümän*), восходящим, видимо, к тохарскому *B tūpane* «десять тысяч» (о заимствовании данного слова в тюркский см.: G. Clauson, Turkish and Mongolian studies, London, 1962, p. 15). Однако после длительного пребывания в тюркской среде имя-эвфемизм также стало восприниматься как сакральное, поэтому в эпитафиях Кюльтегину и Могиляну оно появляется в форме Бумын (I), в Онгинской надписи Иамы (I). На наш взгляд, заимствованным оказывается и имя другого тюркского предка — Иштеми (о нем см. «Цзю Таншу», гл. 217 б, стр. 1528; Цзень Чжун-мянь, Указ. раб., стр. 688) — из тохарского *A. Astami*. Разбор гипотез о происхождении данного имени см. L. Ligeti, Mots de civilisation de Haute Asie en transcription Chinoise, «Acta Orientalia Hungaricae», t. I, 1950, No. 1, p. 149. Термин «бөри» (волк), отражавший происхождение тюрков по мужской линии, также является заимствованием из индоиранского: Th. Korsch, Türkische Etymologien, «Festschrift V. Thomsen», Leipzig, 1912, S. 199—200; O. Pritsak, Die Bulgarische Fürstenliste, Wiesbaden, 1955, S. 94. Он использовался в качестве этнонима: Л. П. Потапов, Этнический состав сагайцев, «Сов. этнография», 1947, № 3, стр. 125 (ср. памятник с Бёгре). Женским тотемом ханского рода тюрков был олень (лань), обретший впоследствии образ быка; согласно тюркским преданиям, их родина называлась страной Со (среднекит. *sāk* < **sakh*), обозначение которой возможно, восходит к индоиранскому *sakh*, *saka* «олень» (о последнем см. В. И. Абаев, Указ. раб., стр. 179).

²⁸ Иордан, О происхождении и деяниях гетов, М., 1960, стр. 77.

²⁹ А. Г. Преображенский, Этимологический словарь русского языка, М., 1958, стр. 946; С. И. Артамонов, История хазар, Л., 1962, стр. 290.

³⁰ G. Vernadsky, On the name Antes, «Journal of American Oriental Society», vol. 59, 1939; его же, On the origins of the Antae, «Journal of American Oriental Society», vol. 73, 1953.

Поклонявшиеся змее авары, в имени которых, судя по его китайской транскрипции (жуанжуань, жаужань) и летописному преданию³¹, отражено обозначение змеи (червя), были известны на западе под индоиранским обозначением кермхионы (др.-ир. *karmī, др.-инд. kṛt «червь», «змея») ³². Упомянутый выше термин «ит» (собака) из этимики южнорусских кипчаков-половцев ³³ со временем уступает место монгольскому по происхождению этнониму «ногай» (собака), ставшей самоназванием ряда тюркоязычных объединений на тех же территориях. То же самое известно из истории древних тюрков Орхона. Из текста стелы Тоньюкука с несомненностью следует, что он представлял в ней материнскую (катунскую) фратрию тюрков-сиров (или широв, тюркск. s²ir²/š²ir². Согласно другим документам, Тоньюкук был из племени арслан («лев») ³⁴. В этом свете термин сир/шир принимается как безукоризненная индоиранская калька слова арслан др.-п. х̌šaogija, ср. п. šir, šēr, šāg «лев» ³⁵.

Столь же прозрачно соотношение названий каганских тюрков Орхона. В рунических эпитафиях они названы голубыми, или небесными тюрками, под чем подразумевалось существование у них культа Неба ³⁶. Эквивалентом тюркского kök-türk, вне сомнения, является китайская транскрипция а-ши-на (среднекит. â-si-na < *āsanā ≈ *asni отражающая хотано-сакское āsanā «голубой», «синий», «небесный».

Иногда племя становится известным под несколькими названиями в соответствии с изложенными выше принципами (особенности культуры местожительства, разводимого скота и т. д.). Исторические кипчаки обозначаются в источниках как комань, половцы, сары, токмаки, тугуки ³⁷. Тангуты назывались еще дансянами и миняг ³⁸. Б. О. Долг приводит несколько вариантов названия тунгусов-нюрумняли: буляни

³¹ «Бэй-ши», гл. 98, стр. 1301; «Вэй шу», гл. 103, стр. 1326. Тождество жуань-жуань-авар доказано: P. Olbricht, Uchida's Prolegomena zu einer Geschichte der Jou-Jan, «Ural-Altäische Jahrbücher», Bd. XXVI, 1954, H. 1—2, S. 90—100.

³² Ed. Chavannes, Documents sur les T'ou-kiue (Turks) Occidentaux, St. Pétersbourg, 1904; O. Maenchen-Helfen, Einige Bemerkungen zur Paleoethnologie, «Centralasiatic Journal», vol. IV, 1959, No. 3.

³³ A. Zajączkowski, Związki językowe połowiecko-słowiańskie, Wrocław, 1949; J. Marquart, Указ. раб., стр. 145, 157.

³⁴ Он считался предком тюрков-арсланов и уйгуров-арсланов, обитавших впоследствии в Гаочане: «Юань вэнь лэй», гл. 70, стр. 1014—1015.

³⁵ Индоиранские вариации термина см. Th. Nöldeke, Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden, Leiden, 1879, S. 361; J. Marquart, Eransahr, «Abhandl. der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen», Bd. III, 1901, No 2, S. 92; W. B. Henning, Mitteliranisch, «Handbuch der Orientalistik», Bd IV, Iranistik, Abschnitt 1, Linguistik, Leiden — Köln, 1958, S. 93, 114.

³⁶ КТ6, 1, 3. О поклонении Небу как первозодателю всего сущего и первопредку каганских тюрков см. «Чжоу шу», гл. 50, стр. 426; Р. Гусейнов, Сирийские источники об Азербайджане, Баку, 1960, стр. 51—52. Вследствие того, что династийные тюрки Орхона были «центральными», или каганскими, по отношению к ним неприемлем перевод слова kök в значении «восточный», как предлагает А. Габэн: A. v. Gabain, Vom Sinn symbolischer Farbenbezeichnung, «Acta Orientalia Hungaricae», t. XV, 1962, fasc. I — 3, p. 115.

³⁷ Варианты наименований кипчаков см.: О. М. Ковалевский, Монгольско-русско-французский словарь, т. III, Казань, 1848, стр. 1878; V. Minorsky, Sharaf az-Zaman Tahir al-Marvazi on China, the Turks and India, London, 1942, p. 100; O. Pritsas, Der Untergang des Reiches des Oghuzischen Yabgu. Extrait des «Mélanges Fuad Köprülü», Istanbul, 1953, S. 409; A. Zajączkowski, Указ. раб., стр. 5—18.

³⁸ Е. И. Кычанов, Из истории тангутско-уйгурских войн в первой половине XI века, сб. «Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана», Алма-Ата, 1962, стр. 146; ср. K. Sedláček, New light on the name of the Tangut people of the Hsi-Hsia dynasty, «Zeitschrift der Deutschen Morganländischen Gesellschaft», Bd. 114, 1964, S. 180—185.

юрильцы, джурумждаль, илимские тунгусы³⁹. Самоназванием якутов является «сахай»⁴⁰. Подобные примеры можно привести по отношению к иранцам⁴¹ и другим народам.

* * *

В связи со сказанным особый интерес представляет распространение культа орла у народов Саяно-Алтайского нагорья. Этнографический материал по этому вопросу собран и исследован Л. Я. Штернбергом, Д. К. Зелениным, А. Золотаревым, У. Харва, В. Н. Басиловым⁴², что освобождает от необходимости излагать его на этих страницах.

Культе орла, контаминировавшегося в представлениях древних с грифом, известен на данной территории со времени Аристея — Геродота. В «Аримаспее», проникнутой, как показано К. Мёли, духом шаманизма⁴³, крайние народы на северо-западе обозначены в виде фантастических животных. При этом народ «стерегущих золото грифов», при локализации его западных соседей аргиппов («скакунов») ⁴⁴, в Джунгарии ⁴⁵, оказывается обитателем Саяно-Алтая, называемого обычно Гиперборейскими горами ⁴⁶. Некоторое подтверждение этому содержится и в китайских документах. Географический трактат «Шань хай цзин» сообщает о трех видах пятицветных птиц, ассоциирующихся с легендарным фениксом, у северных иноземцев циньской эпохи ⁴⁷. Один из параграфов энциклопедии «Тайчун гуан цзи» (л. 490) называется «Великая птица на Бэйхай» (Северное море, Байкал). «На Бэйхай живет великая птица, ее высота тысяча ли; цвет (или: изображение) головы называется «Небо», цвет груди называется «Климат», цвет левого крыла называется «Черная чайка», цвет правого крыла называется «Управление». Голова обращена прямо на восток... Бывает, взмахивает крылами и летает, тогда ее перья секут друг друга подобно грому и ветру». К этой же области относятся древнейшие китайские предания, согласно которым божеством Бэйхая и Ветра (ср. сообщение Геродота о северном ветре в стране грифов) был некий Юйцян с человеческим лицом и птичьим туловищем. Второе божество китайцы называли Цзюфын — Девятиглавный феникс. У него было птичье туловище и девять голов с человеческими лицами ⁴⁸.

В последующие столетия материал о грифах-орлах или волшебных птицах феникс на Саяно-Алтае пропадает в связи с тем, что прекращается вообще почти всякая информация о народах этого региона. Имеет-

³⁹ Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке, М., 1960, стр. 17.

⁴⁰ Н. А. Аристов, Этнические отношения на Памире и в прилегающих областях, «Русский антропологический журнал», 1900, № 3, стр. 63, 64; K. Menges, Zum Stammesnamen Sagai, «Central Asiatic Journal», vol. VI, 1961, No 2, S. 141.

⁴¹ H. H. Schaeder, Türkische Namen der Iranier, «Die Welt der Islam», Sonderband, 1940, S. 1 ff.

⁴² Л. Я. Штернберг, Культ орла у сибирских народов, Л., 1936; Д. К. Зеленин, Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов, Л., 1936; А. Золотарев, Пережитки тотемизма у народов Сибири, Л., 1934; У. Харва, Указ. раб., стр. 43; В. Н. Басилов, О туркменском «пире» дождя Буркут-баба, «Сов. этнография», 1963, № 3, стр. 42—52.

⁴³ K. Meuli, Scythica, «Hermes», vol. LXX, 1935.

⁴⁴ См. И. Х. Дворецкий, Древнегреческо-русский словарь, М., 1958, т. I, стр. 229.

⁴⁵ Так по Томашеку, Миннзу, Юнге, Вернадскому; см. С. И. Руденко, Культура населения Центрального Алтая в скифское время, М.—Л., 1960, стр. 176.

⁴⁶ В. В. Латышев, Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, ВДИ, 1949, № 1, стр. 202, 204, 205.

⁴⁷ Y. Izushi, A study of origin of the Ch'i-lin and the Feng-huang, «Memoirs of the Research Department of Toyo Bunko», 1937, № 9, p. 103.

⁴⁸ Юань Кэ, Мифы древнего Китая, М., 1965, стр. 222, 253.

ся лишь тамга, отмеченная как киргизская в сочинении VIII—X вв. «Тан хуйяо», изображающая четырехкрылую птицу⁴⁹. Персидский автор XI в. Гардизи свидетельствует, что одним из объектов поклонения киргизов был сокол⁵⁰. «История монголов» также сообщает о наличии соколов у киргизов, что при скудости источников не может считаться рядовым фактом. И действительно, «Сокровенное сказание» гласит, что во время похода Джучи на туменов и киргизов к нему явились киргизские нойоны Йеди, Инал, Алдиери Орбек-дигин. «Они выразили покорность и били государю челом белыми кречетам и шинхот». По словам Рашид ад-Дина, во время царствования Кубилая к нему пришли послы из областей кури, бурку и киргизов. «Они преподнесли белоногого красноклювого кречета и белого орла»⁵¹. Возможные сомнения относительно культового назначения орла (кречета, сокола) у киргизов рассеются, если вспомнить о системе соподчинения родовых предков-покровителей в период распада родового строя: культы, как и родовые предки, занимают свое место в соответствии с положением рода или племени в составе конфедерации⁵². Впрочем, этот же вывод следует из рассказа о подчинении киргизов Чингиз-хану. Как сообщает Абу-л-Гази, при этом ему были поднесены богатые подарки, главным из которых был красноглазый и красноклювый белый сокол⁵³. Уточняя это известие, Рашид ад-Дин говорит, что белый сокол был преподнесен «как выражение почтения от младшего страшему» и в знак подчинения⁵⁴.

Возникновение культа орла у киргизов восходит, вероятно, к тому периоду их истории, который больше всего связан с матриархатом. Его реликты выступают в одном из важнейших киргизских титулов генеалогического характера в VIII в.⁵⁵: *хызыл (*кызыл)⁵⁶, *куш-аба⁵⁷, *ачу⁵⁸. Содержание первого из них не ясно⁵⁹. Компонент *куш в двусоставном титуле *куш-аба («птица-мать»)⁶⁰ значит в широком смысле «птица», в том числе (с эпитетами) «орел»⁶¹. Наряду с последующим *ачу («отец»)⁶² он предстает как явный эвфемизм.

Настойчивое повторение грифо-орлиного варианта тотемизма на Саяно-Алтае по крайней мере с V в. до н. э. до XIII в. и значительно позже (см. ниже) убеждает в мысли, что в данном случае мы встречаемся не с тотемом одного рода, а с божеством, общим для всех киргизских племен. Предыдущий анализ взаимоотношения тотемов и эт-

⁴⁹ См. Ю. Зувев, Указ. раб., стр. 98, 132.

⁵⁰ В. В. Бартольд, Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг., «Записки Академии наук, Ист.-фил. отд.», сер. VIII, вып. IV, СПб., 1897, стр. 87, 111.

⁵¹ См. об этом: Е. И. Кычанов, Сведения в «Юань-ши» о переселении киргизов в XIII веке, «Изв. АН КиргССР, сер. обществ. наук», т. V, Фрунзе, 1963, вып. I, стр. 60; С. А. Козин, Указ. раб., стр. 174; Рашид ад-Дин, Указ. раб., т. II, стр. 204.

⁵² М. О. Косвен, Очерки истории первобытной культуры, М., 1953, стр. 204.

⁵³ Desmaisons, Histoire des Mongols et des Tatares, II, St. Pb., 1874, S. 43.

⁵⁴ Рашид ад-Дин, Указ. раб., т. I, кн. I, стр. 150.

⁵⁵ Текст и иероглифическое написание см. Цзэнь Чжун-мянь, Указ. раб., стр. 725, 732.

⁵⁶ Среднекит. хэ-си, цзи-си <yuat-siēt, k'iat-siēt < *xyzyi, *qyzyi.

⁵⁷ Кит. цзюй-ша-бо <ki^uo-sa-puâ < *quš-âba.

⁵⁸ Кит. а-чжу <iâ-t'siu < *âçu.

⁵⁹ В тюркских языках для термина *кызыл* помимо «красный» отмечено значение «золото» (ср. легенду о «стерегущих золото грифах»); В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. II, кн. I, СПб., 1899, стр. 828. В источниках золото у киргизов характеризуется как первое из «произведений земли» (Цзэнь Чжун-мянь, Указ. раб., стр. 727). Не только государь, но и жители страны носили на голове золотые обручи (там же, стр. 726).

⁶⁰ *Аба-«мать»*: Л. А. Покровская, Термины родства в тюркских языках, Сб. «Историческое развитие лексики тюркских языков», М., 1961, стр. 29—32.

⁶¹ В. В. Радлов, Указ. раб., т. II, кн. I, стр. 134, 149.

⁶² Там же, т. I, кн. I, стр. 526.

нонимов подсказывает со своей стороны возможные пути выяснения семантики термина киргиз.

Согласно средневековой традиции⁶³, большинство тюркологов склонно рассматривать его с позиции сакрального значения числа сорок *кырк*, оформленного аффиксом множественного (точнее, двойственного) числа «—з»⁶⁴. Другая часть исследователей⁶⁵, к которой в свое время присоединился автор данной статьи⁶⁶, считает термин киргиз производным от *кыркун*, с предпочтительной этимологизацией «степные гунны».

Новую попытку анализа термина предпринял недавно К. И. Петров⁶⁷. Используя глухие характеристики источников о «краснолицести» енисейских киргизов VIII—IX вв., он приходит к убеждению о происхождении термина киргиз от тюркского *кырыг* (кыргу) «красный» и, отвергая первоначальную посылку, объясняет его «красным цветом пород этого края»⁶⁸. Такая трактовка не решает нескольких затруднений. Во-первых, в истории Азии неизвестны или, во всяком случае, не зарегистрированы прецеденты принятия этнонимов «по цвету пород края». Во-вторых, не существует или неизвестно название Саяно-Алтая «Красный» (тюрк. Кёгмен и кит. *цин-шань* имеют одинаковое значение «голубой», «синий»). В-третьих, термин *кыр-* и его варианты, обследованные И. Лауде-Циртаутас⁶⁹, имеют преимущественное значение «серый», «степной»; именно такое семантическое наполнение отмечено для термина «кыркыр», привлеченного К. И. Петровым в качестве адекватного этнониму киргиз. В-четвертых, красный цвет действительно имел некое сакральное значение у киргизов. Хотя его реальная функция еще не выяснена, в лексике религиозного круга он оформлялся словом «кызыл» (см. выше), а не кыргу». Все это заметно ослабляет остроумную гипотезу К. И. Петрова.

Поэтому вряд ли плодотворно развитие его положений, предложенное Н. А. Баскаковым на страницах «Советской этнографии». Принимая основной тезис К. И. Петрова о составе этнонима киргиз, он расчленяет его на два компонента: *qyrguz* < **qyrgu-oguz*, букв. «красные огузы», т. е. на основании известной теории У. Харва, О. Прицака, А. Габэн и И. Лауде-Циртаутас, «южные огузы»⁷⁰. Символика цветовых обозначений сторон света, видимо, не может быть ключом при разборе этнонима киргиз, даже если принять весьма сомнительную реконструкцию **qyrgu-oguz*. Крайне проблематично отнесение киргизов к огузам⁷¹. Цветовой символ появляется в качестве детерминатива к этнониму исключительно в тех случаях, когда требуется отразить месторасположение части по отношению к общему статическому целому. Следовательно,

⁶³ «Юаньши», гл. 63, стр. 765.

⁶⁴ Дорж Банзаров, Сочинения, М., 1955, стр. 184; С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 417; L. Ligeti, Herkunft des Namens Kirgis, «Kögösi Csoma-Archiv», Bd. I, 1921—1922, S. 369—383.

⁶⁵ P. Pelliot, A propos des Comans, «Journal Asiatique», 1920, No 1, p. 138; D. Sinor, Autour d'une migration des peuples aux V-e siècle, «Journal Asiatique», 1946—1947, p. 48; E. Pulleyblank, The consonantal system of Old-Chinese, pt. II, «Asia Major», N. S., vol. IX, pt. 2, p. 240.

⁶⁶ Ю. Зуев, Термин «кыркун», «Труды Ин-та истории АН КиргССР», вып. IV, Фрунзе, 1958, стр. 169—175.

⁶⁷ К. И. Петров, Очерк происхождения киргизского народа, Фрунзе, 1963, стр. 33, 38, 51; его же, К этимологии термина «кыргыз» (Цветовая древнетюркская топо-этнонимика Южной Сибири), «Сов. этнография», 1964, № 2, стр. 81 сл.

⁶⁸ К. И. Петров, К этимологии термина «кыргыз», стр. 81.

⁶⁹ I. Laude-Cirtautas, Der Gebrauch der Farbbezeichnungen in den Türkdiaklepten, Wiesbaden, 1961, S. 51, 93—95.

⁷⁰ Н. А. Баскаков, К вопросу о происхождении этнонима «кыргыз», «Сов. этнография», 1964, № 2, стр. 93.

⁷¹ Такая версия содержится, если не ошибаюсь, только у автора XVI в. Сайфу д-Дина Ахсикенди («Маджму-ат-таварих»).

будь киргизы огузами, они должны были именоваться *кара-огузами («черными», т. е. северными огузами)⁷².

Летопись впервые упоминает енисейских киргизов в конце III в. до н. э. в связи с завоевательными походами сюнну-гуннов. Они названы здесь цзянь-кунь⁷³ (древнекит. *kien-kwən). Поскольку конечное -n в транскрипции ханьской эпохи закономерно передавало туземное -ŋ, данная группа может соответствовать туземному *kärküg ~ kärkir, что подтверждается наиболее ранней византийской передачей херхир⁷⁴. Сюда же примыкает транскрипция гэ-кунь⁷⁵ (древнекит. *klëk-kwən < *krkkyü ~ *kärkir).

Такая реконструкция отражает звучание термина в тюркских «р»-языках и соответствует тюрко-огузскому *kärkir. Автор VIII в. Гай-Цзяюнь, отмечая транскрипцию цзянь-кунь (*керкир), говорит: «Имеющееся ныне измененное название хэ-хэ (или: гу)-сы (среднекит. yüat-yüat (küet)-sie < *xärgxäs ~ *xärgxäs) также является старым (или: прежним) наименованием северных иноземцев»⁷⁶. Стационарной транскрипцией, наиболее точно, по мнению современников, передававшей звучание этнонима, была ся-цзя-сы (среднекит. hat-kät-sis < *xarkas ≈ *xärkäs)⁷⁷; эта реконструкция сближается с уйгуро-тибетской передачей Нир-кис⁷⁸ и обычной арабо-персидской формой (хиркиз)⁷⁹.

Чрезвычайно важно, что тюркская форма *кыркыз* ~ *кыргыз*, используемая в рунических текстах, стоит одиноко, она не подтверждается ни одним синхронным источником. Ее можно считать позднейшей модификацией в тюркской лексической среде. Потому понятно, что этимологизация тюркского в а р и а н т а этнонима на тюркской почве обречена на неудачу: здесь термин деэтимологизировался.

Этноним *киргиз*, если судить по греческим сообщениям о грифах, возник в эпоху тотемизма и отражал обозначение тотемного животного («грифа», «орла»). Его объяснение следует искать, по-видимому, в индоиранском языковом материале⁸⁰, в лексике обитателей Алтая, «отделившихся», — как пишет Геродот, — от скифов царских». Вероятно, на тесную связь «грифов» с гриппами-«скакунами» указывает и стандартная фраза греко-римских писателей: «уже воссоединятся грифы с конями».

Для обозначения *орла* и *грифа* в индоиранских языках зарегистрирован термин *karkāsa, ав. karkāsa, пехл. и ср.-перс. kargas «коршун», пам.-ир. karγez «орел», согд. *čarkas, (črks), осет. čirgys «орел отсюда же манси šärkes удм. žuges «орел»⁸¹. Отголоски данного значения можно «замечать в тюркской лексике среднеазиатского тefsира, где сло-

⁷² Ср. этнонимы: тюркеш — кара-тюркеш, тангут — кара-тангут, кытай — кара-кытай, меркит — кара-меркит, киргиз — кара-киргиз; в каждом случае это обозначение северной или северо-западной части по отношению к целому.

⁷³ «Цзянь Ханьшу», гл. 94 б, стр. 1130.

⁷⁴ Gy. Mogaуczik, Byzantinoturcica, Bd. II, Budapest, 1943, S. 288.

⁷⁵ «Шицзи», гл. 110, стр. 1034; «Ханьшу», гл. 94 а, стр. 1112. Варианты написания и их среднекитайское звучание, а также звучание рубежа нашей эры см. также: O. Maenchen-Helfen, The archaic names of the Hiung-nu, «Central Asiatic Journal», vol. VI, 1961, No 4, p. 256; E. Pulleyblank, The consonantal system of Old Chinese, I, «Asia Major», vol. IX, 1962, part 1, p. 123; part 2, p. 240.

⁷⁶ «Тан хуйяо», Пекин, 1955, гл. 100, стр. 1785.

⁷⁷ Написание и среднекитайское звучание см. J. R. Hamilton, Lee Quighours à l'époque des cinq dynasties, Paris, 1955, p. 62.

⁷⁸ J. Vascot, Reconnaissance en Haute Asie Septentrionale... en VII siècle, «Journal Asiatique», 1956, No 2, p. 146.

⁷⁹ A. Jaubert, Geography d'Edrisi, t. 1, Paris, 1836, p. 350; V. Minorsky, Hudud-al-Alam, p. 34—35, 96; Мухаммед ибн Наджиб Бакран, Джахан-Намэ (Книга о мире), М., 1960, л. 12 а.

⁸⁰ На возможность индоиранской этимологизации термина указывал еще И. Маркварт: J. Maggart, Über das Volkstum..., S. 68.

⁸¹ См. В. И. Абаев, Историко-этимологический словарь, I, стр. 303; его же, Осетинский язык и фольклор, I, стр. 50; Ch. Bartholomae, Altiranisches Wörterbuch, p. 451.

вом каргас (кергес) назван «гриф», «сказочный гриф»⁸²; Л. З. Будагов с пометкой «п» (персидское заимствование) дает для *керкес* значение «баснословная птица, питающаяся трупами», «орел»⁸³. Эти формы непосредственно совпадают с обозначением киргизов в XV—XVI вв. *кергес*, *кергеи*, отмеченным К. И. Петровым⁸⁴.

В настоящее время мы не располагаем прямыми свидетельствами того, что в «послескифское» время киргизы осознавали себя в качестве потомков «грифа» или орла. Имеется, может быть, лишь один факт, который обретет силу доказательства, если новое объяснение покажется удовлетворительным. Речь идет о киргизской суджинской надписи, оставленной одним из киргизских завоевателей уйгурского орхонского каганата в 841—843 гг. по имени-титulu Буйла-Кутлуг-йарган. Вторая строка надписи «*qurqyz oǰly tǰn*» обычно переводится: «Я сын киргиза» или «Я сын киргизский»⁸⁵. В трафарете древнетюркских рунических надписей такая форма характеристики своих родителей неизвестна: они всегда обозначаются по именам-титулам и никогда по родо-племенной принадлежности. Подобная формула встречается в документах рунического письма только один раз. Сорок пятый параграф гадательной книжки «Ирк битиг», датирующей VII—VIII вв., начинается словами: (*Kijik oǰly tǰn*) и переводится С. Е. Маловым: «Я — детеныш (собств. сын.— Ю. З.) оленя»⁸⁶. Данная параллель наводит на мысль, что во второй строке суджинской надписи ее герой сообщает о своем первопредке-тотеме.

В этом свете вполне определенно воспринимается и тамга на данном памятнике, изображающая, судя по фотографии, изданной Г. Рамstedтом, когтистую птицу, т. е. орла или грифа⁸⁷. Как известно, тамги, выгравированные на лицевой стороне памятников рунического письма, имели вполне определенный смысл и были с и м в о л а м и тех племен, представителями которых они ставились. Следовательно, и этот момент, вкупе с уже отмеченными, свидетельствует о правомочности трактовки термина киргиз в связи с представлением о первопредке-орле или грифе.

* * *

Еще Г. Ф. Миллер считал, что енисейские киргизы были известны под именем *буротов*⁸⁸; это было поддержано В. В. Радловым⁸⁹ и частично Г. Гоуртом⁹⁰. Тождество енисейских киргизов с бурутами основательно подкреплено А. Абдыкалыковым, привлечшим новые архивные материалы в его пользу⁹¹. В настоящее время оно может считаться установленным и общепринятым⁹².

⁸² А. К. Боровков, Лексика среднеазиатского тefsира XII—XIII вв., М., 1963, стр. 173.

⁸³ Л. З. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. II, СПб., 1871, стр. 123.

⁸⁴ К. И. Петров, К этимологии термина «кыргыз»..., стр. 85.

⁸⁵ С. Е. Малов, Енисейская письменность тюрков, М.—Л., 1952, стр. 86—90.

⁸⁶ С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, стр. 83.

⁸⁷ G. J. Ramstedt, Zwei Vigurische Runenir-schriften in der Nord-Mongolei, «Jurnal de la>Société Finno-Ougrienne», t. XXX, Helsingfors, 1913—1914, Tab. I.

⁸⁸ Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. I, М.—Л., 1937, стр. 314.

⁸⁹ W. Radloff, Observations sur les Kirghis, «Journal Asiatique», Ser. VI, 1863, стр. 317 (ср. Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, Л., 1926, стр. 535).

⁹⁰ H. Noworth, Указ. раб.

⁹¹ А. Абдыкалыков, Указ. раб., стр. 126.

⁹² Утверждение Г. Е. Грумм-Гржимайло (Указ. раб., стр. 536) о том, что еще в XVIII в. киргизов и буротов не смешивали, не может считаться состоятельным, так как речь идет о данных подразделений в составе разных народов или о одновременности их вхождения в состав одного народа, когда могло превалировать лишь одно из обозначений.

Столь же несомненно использование термина *бурут* по отношению к Тянь-шаньским киргизам. Наиболее четко оно прослеживается в китайских источниках XVIII—XIX вв.⁹³ Характерны в этом смысле слова, вложенные в уста Алмамбета, из киргизского эпоса «Манас»:

«...На джайляу холодном в поход
Собрался бурутов в народ.
Главный хан у него — Манас,
Имеется в наших списках Манас,
Лев среди львов киргизских Манас!»⁹⁴

Семантика термина *бурут*, утраченная на Тянь-Шане, выясняется при обращении к этнической номенклатуре качинцев, происхождение которых так или иначе связано с древними киргизами. Качинский род *бурут* (вар. *бүрүт*, *пүрүт*, *бүркүт*, букв. «беркут», «орел») считает орла своим тотемным животным, он выступал у них в роли родоначальника шаманов, покровителя рода и эпонима⁹⁵. Обращают на себя внимание вариации этнонима, ясно восходящего к общетюркскому *буркут* «орел», но видоизмененного вопреки обычным фонетическим нормам качинского диалекта. Вышеприведенный материал позволяет признать это как явление нормальное и необходимое. С другой стороны, он дает возможность и достаточное основание вернуться к выводу о значении слова *бурут*, высказанному более полустолетия назад Н. Ф. Катановым: «Буруты (кара-киргизы) — то же, что *бүрүт* (беркут, орел) у качинцев»⁹⁶. Иными словами, носящий печать эвфемирования термин *бурут* является точным эквивалентом этнонима-эвфемизма *киргиз*.

* * *

Распространение культа орла у народов Саяно-Алтая отложилось в этнонимике не только собственно киргизов. Среди историков Азии до сих пор вызывает недоумение рассказ венецианца Марко Поло, включенный в 72-ю главу его «Книги». Говоря о долине Баргу, находящейся в 40 днях пути от Каракорума и Алтая и заселенной племенами меркитов, он сообщает: «Через сорок дней пути — море-океан, там же горы, где соколы-пилигримы вьют гнезда. Там нет, знайте, ни мужчины, ни женщины, ни зверя, ни птицы, а только одна птица, зовут ее баргкенлак; соколы ею кормятся... Когда великому хану понадобятся такие соколы, он посылает за ними туда. В том море есть острова, где водятся кречеты. Место то, скажу вам по правде, так далеко на север, что северная звезда остается позади, к югу. Птиц этих, что водятся там на острове, скажу вам еще, великое множество; у великого хана их столько, сколько он их пожелает»⁹⁷.

Если следовать Марко Поло, то заключение будет несколько неожиданным: в равнине Баргу (Баргуджин, Баргузин, Байкал, «Северное море») живет «народ тамошний дикий и зовется меркит», но нет там «ни мужчины, ни женщины», а есть только соколы. Очевидная фантастичность информации сделала единственно приемлемым решением при ее изучении распределение известий по разным географическим адресам. Между тем все средневековые авторы называют «Северным морем» только Байкал⁹⁸.

⁹³ См. Дай Цин итун чжи (ред. 1785 г.), гл. 423; Хуаньюй Сиюй ту чжи (ред. 1782 г.), гл. 45; Сиюй вэньцзянь лу (изд. 1772 г.), гл. 3 и т. д.

⁹⁴ «Манас. Киргизский эпос. Великий поход». Пер. С. Липкина и др. М., 1946, стр. 271.

⁹⁵ Л. Я. Штернберт, Указ. раб., стр. 122; Д. К. Зеленин, Указ. раб., стр. 191; В. Н. Басилов, Указ. раб., стр. 48.

⁹⁶ Н. Ф. Катанов, Предания присаянских племен о прежних делах, сб. «В честь 70-летия Г. Н. Потанина», СПб., 1909, стр. 280.

⁹⁷ «Книга Марко Поло». Пер. И. П. Минаева, М., 1955, стр. 92.

⁹⁸ Ю. Зувев, Из древнетюркской этнонимики..., стр. 111—112.

Сам Марко Поло никогда не был на Байкале, и его известия о живших там народах взяты из сообщений монголов. Учитывая это, мы должны заключить, что в представлениях монголов *меркиты*, заселявшие окрестности Байкала, были соколами.

Все эксперименты этимологизации термина меркит, как правило, базируются на убеждении, что он монгольского происхождения⁹⁹ или, по крайней мере, монгольского оформления¹⁰⁰. Обычная китайская транскрипция, использованная в «Юаньши» — ме-ли-ци (*меркит)¹⁰¹. При этом, главным образом, имеются в виду меркиты, обитавшие в Прибайкалье или по Селенге¹⁰². Однако некоторые авторы дают написание му-ли-ци (*мүркит, *mürkit)¹⁰³, мо-ли-ци-тай (*мөркитай)¹⁰⁴ и мо-ли-си (*мөрхит, *mögxit)¹⁰⁵; часть их определенно локализуется на Восточном Тянь-Шане¹⁰⁶, а после 1205 г. — на Алтае¹⁰⁷.

Семантика этнонима меркит (*märkit, *mürkit, *mögkit, *mögxit) выясняется при обращении к саяно-прибайкальскому этнографическому материалу. Телеутский сеок меркут, называвшийся также меркит (märküt, märkit), считал себя происшедшим от белоголового орла, орел рассматривался как птица хозяина Неба, неизменный спутник и помощник шамана¹⁰⁸. Слово «меркут» («меркит») означает в данном случае сказочную небесную птицу, которая «покрывает Луну своим левым крылом, а Солнце своим правым крылом»¹⁰⁹. Род меркут (иначе меркет и меркит) у монголов-торгоутов считал себя рожденным от той же птицы, причем во время грома, низвергавшегося, — их поверьям, хозяином Неба, они восклицали: «Я меркут, я меркут», — напоминая этим о своем родстве с ним и надеясь отвести от себя смерть¹¹⁰. В ойротском (алтайском) языке, для которого возможны чередования б и м в начальной позиции¹¹¹, понятие «беркут», «орел», оформлено словом *моркут*, *мүркүт*¹¹², близким по звучанию к телеутскому *меркүт* (меркит), но фонетически все-таки не совсем адекватным ему. В связи с военными кампаниями Чингиз-хана часть меркитов передвигается в район Алтая и дальше на запад и принимает участие в сложении тюркоязычных народов (казахов, башкир, узбеков)¹¹³. Оказавшись в языках с иными фонетическими нормами, в новой этнической и религиозной среде, этноним-эвфемизм меркит окончательно потерял свою семантическую основу.

⁹⁹ P. Poucha, Die geheime Geschichte der Mongolen, Praha, 1956, S. 55.

¹⁰⁰ С. А. Аманжолов, Вопросы истории и диалектологии казахского языка, I, Алма-Ата, 1959, стр. 65.

¹⁰¹ P. Pelliot et L. Hambis, Histoire des campagnes des Gengiz-khan, I, Leiden, 1951, S. 227.

¹⁰² Н. Н. Норов, Указ. раб., стр. 22.

¹⁰³ «Чжо гэн лу», гл. I.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Ed. Bretschneider, Mediaeval researches from the Eastern Asiatic sources, London, 1910, vol. I, p. 27—28; cp. Sei Wada, On the Mekrid tribe, «Studies on the history of the Far East (Mongolia)», by Sei Wada, Tokyo, 1959, p. 859.

¹⁰⁶ Н. С. Gabelentz, Geschichte der Crossen Liao, aus dem Mandschu übersetzt, St. P., 1877, S. 148, 188; Ed. Bretschneider, Notices on the mediaeval geography and history of Central Western Asia, «Journal of the North-China branch of the Royal Asiatic Society», N. S., No 10, 1876, p. 99.

¹⁰⁷ С. А. Козин, Указ. раб., стр. 151; ср. «Юаньши», гл. 122, стр. 1429 (о битве с меркитами на р. Джам).

¹⁰⁸ А. Золотарев, Указ. раб., стр. 34; В. Н. Басилов, Указ. раб. стр. 48.

¹⁰⁹ W. Radloff, Aus Sibirien, Leipzig, 1884, Bd. II, S. 32.

¹¹⁰ А. А. Ивановский, Монголы-торгоуты, II, «Изв. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском ун-те», Труды антропологического отдела, вып. XIII, 1893, стр. 24.

¹¹¹ Н. А. Баскаков, Алтайский язык, М., 1958, стр. 71.

¹¹² Н. А. Баскаков, Т. М. Тошаклова, Ойротско-русский словарь, М., 1947, стр. 217. Указанием на эту работу я обязан А. С. Аманжолову.

¹¹³ О распространении культуры орла у этих народов см. В. Н. Басилов, Указ. раб., стр. 48—49; о меркитах в их составе см. С. А. Аманжолов, Указ. раб., стр. 65. Орел — «типичный тотем», родоначальник и творец шаманов у якутов, происхождение которых также связано с древними киргизами (см. Э. К. Пекарский, Предания о том, откуда произошли якуты, Иркутск, 1925, стр. 4).

Жизнь этнонима обуславливается множеством факторов самого различного характера, представляющих все стороны этногонического процесса. Несмотря на понятную трудность их исследования, вызванную отсутствием прямого свидетельского материала, удается выделить очевидно, древнейший цикл азиатской этнонимии, происхождение которого тесно связано с тотемизмом.

Устанавливается непосредственная зависимость между запретом на имя тотемного животного-первопредка и изменениями этнонимов тотемического содержания. В ряде случаев этноним видоизменяется, исходя из средств собственного языка (например, *бүркүт* > *бурут* ~ *меркит*).

Столь же (если не более) характерны и прецеденты его эвфемизации путем принятия иноязычного термина, являющегося дублетом оригинального сакрального слова, в той или иной мере табуированного в собственной языковой среде (ср., например, *ногай* из монг. *нокай* «собака», *огуз* из тохарск. *okso* «бык» и др.). Лингвистическое калькирование или перевод, через которые неизбежно проходит термин (ср. тюркск. *сары* «желтый», русск. «полóвцы», арм. «хардиаш», нем. «Flawen» и т. д.), — необходимый, но только первый этап создания этнонима-дублета. С возвращением в лексику носителей культа он обретает права собственного этнонима, т. е. самоназвания, которое может существовать даже наряду с другими обозначениями данного этнического коллектива или по тем или иным причинам вытеснить их. Этот процесс мы называем явлением этнонимического калькирования. Возможно, такое его определение не совсем удачно, поскольку оно может ассоциироваться с явлением лингвистического калькирования, содержание которого общеизвестно в науке, однако выше мы попытались показать, что они качественно различны. Иллюстрацией этнонимического калькирования, в конкретном его выражении, является соотношение терминов-этнонимов *киргиз* ~ *бурут* — «орел», «гриф».

THE KIRGHIZ-BURUTS (TOWARDS THE PROBLEM OF TOTEMISM AND THE PRINCIPLES UNDERLYING THE GENESIS OF ETHNONYMS)

The article deals with the interrelation between the terms *Kirghiz* and *Burut*; in this connection the principles underlying the genesis of ethnonyms among the peoples of Central Asia are analyzed. The author reaches the conclusion that the earliest ethnonymic cycle is linked with totemism. Since the idea of a totem inevitably engenders a tabu, against its name he considers that certain ethnonyms of a totemistic nature may also have undergone such a prohibition. In such cases the ethnonym was euphemized: the name was altered within its own language or an equivalent term loaned or translated from the language of a neighbouring people was used as an ethnonym. This phenomenon is termed by the author «ethnonymic loaning». Taking into account the widespread totemistic cult of the eagle among the early Sayan-Altay peoples including the Kirghiz, he inclines to the opinion that the term *burut* (*bürüt*) is an euphemism for the Turkic «*bür-küt*» — «eagle», and is identical with the term *kirghiz* which stems from an Indo-Iranian form such as the Early Persian **karkāsa*, the *kahrkāsa* of the language of Avesta, the Pehlevi and Middle Persian *kargas* — meaning «eagle», «vulture».